

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №12 25/12/2012– www.afficha.info

Три виртуоза для партии «Музыки одной жизни».

Екатерина Богопольская

В декабре в Cité de la musique в Нантере (Nanterre) состоялась премьера спектакля «Музыка одной жизни»: два выдающихся артиста, музыкант-виртуоз Михаил Рудь и феноменальный французский актер Дени Лаван соединились, чтобы дать сценическую жизнь роману третьего выдающегося художника, писателя Андрея Макина.

(Сценическая версия и постановка Михаила Рудя. Рассказчик - Дени Лаван. Музыкант-Михаил Рудь).

Фото Георгий Пинхасов

Парадокс Андрея Макина.

Андрей Макин – известный французский писатель родом из России. В самом деле, Макин родился в Сибири в 1957 году, эмигрировал только в возрасте 29 лет, но пишет исключительно на французском: именно во Франции он и состоялся как писатель, и даже получил в 1995 году за роман «Французское завещание» самую престижную литературную премию - Гонкуровскую. С тех пор «Завещание» и другие произведения Макина переведены на 40 языков, входят в списки бестселлеров и изданы тиражом более 3 миллионов экземпляров. Макина-писателя знают везде, кроме России - на русский переведено и, как говорят, очень неудачно, только «Французское завещание».

Несмотря на то, что Макин и сам считает себя исключительно французским писателем, действие практически всех его романов происходит в СССР, и вопрос «что значит быть русским?» - одна из любимых тем писателя. Во «Французском завещании» ответ на этот вопрос звучит так: «Быть русским значит ежедневно жить на краю пропасти». В своих романах Макин постоянно описывает страдания человека при советском режиме, но причислить его произведения к диссидентской литературе тоже нельзя: он не делит своих героев на правых и виноватых, все связаны единой судьбой.

В Советском Союзе происходит и действие романа «La musique d'une vie», (Музыка одной жизни), выпущенного издательством *Seuil* в 2001 году. Дальше я позволю себе процитировать отрывок из рецензии Марии Рубинс («НЛО» 2004, №66): «Среди искусств, к которым обращается в своей прозе Макин, находится и музыка. Одна из начальных сцен романа повторяет все тот же, знакомый по другим произведениям Макина ход. Рассказчик, застрявший из-за пурги на уральской железнодорожной станции, с горьким сарказмом наблюдает за толпой, расположившейся в зале ожидания. Старик, невозмутимо дремлющий на газете “Правда” прямо на забросанном окурками полу, мать с новорожденным младенцем, проститутка, застывшая у окна в ожидании новых клиентов, — вся эта храпящая или сонно жующая инертная “человеческая магма” превращается в своего рода живую картину под названием “homo soveticus”- (в преамбуле рассказчик все время рассуждает над смыслом этой лапидарной формулы, придуманной философом Александром Зиновьевым-Ек.Б). Внезапно до рассказчика доносятся фортепианные рулады, и эта неожиданная музыка переносит его в иной мир:

«Меня больше всего поражает не столько время и место рождения этой музыки, сколько ее отрешенность. Мои гневные философские тирады оказываются под ее воздействием совершенно бессмысленными. Ее красота уводит меня прочь от запахов консервов и алкоголя, парящих над спящей толпой. Она просто указывает на некий рубеж, очерчивает иной порядок вещей».

Фото Георгий Пинхасов

Играющий на случайном вокзальном рояле старик оказывается бывшим пианистом Алексеем Бергом. Сын репрессированных перед самой войной родителей, он выжил исключительно благодаря подложным документам, найденным им в гимнастерке убитого солдата. Остальная часть романа- это переданное со слов Берга повествование о его жизни. Новые документы требуют от Алексея полного перевоплощения в деревенского парня, в мире которого нет, и не может быть места классической музыке. И все же музыка остается в его жизни в виде еле слышимого контрапункта. Во время наступления советских войск в Австрии он выносит с поля боя раненого генерала, и происходит это неподалеку от Зальцбурга, места рождения Моцарта. После войны генерал привозит его в Москву, назначая своим личным шофером. Юная дочь генерала Стелла занимается музыкой и по необъяснимому капризу решает обучить этого молчаливого и загадочного шофера со шрамом на лбу нескольким простеньким музыкальным пьескам. Однако Берг свою роль до конца не доигрывает, и случается непоправимое. Во время помолвки Стеллы с сыном высокопоставленного чиновника, призванный из своего угла в прихожей позабавить гостей — а заодно и подтвердить ее педагогические способности, — Алексей садится за пианино. Но вместо нестройных звуков из-под его огрубевших пальцев начинает литься прекрасная мелодия, дарующая мгновенное освобождение и преобразующая действительность. Когда он вновь опустил руки на клавиши, еще можно было поверить в случайность этой прекрасной гармонии, прозвучавшей словно бы независимо от него. Но

уже секунду спустя хлынула музыка, унося в мощном порыве сомнения, голоса, шум, стирая возбужденные лица, многозначительные взгляды, раздвигая стены, растворяя свет гостиной в безбрежности ночного неба за окнами. Ему казалось, что он не просто играл. Он несся сквозь ночь, вдыхая ее хрупкую прозрачность, составленную из бесчисленных ледяных граней, листвы, ветра. В нем не осталось ни капли боли. Ни страха перед будущим. Ни тревоги или раскаяния. Летящая навстречу ночь говорила ему и об этой боли, и о страхе, и о невозвратимом прошлом, но все это уже стало музыкой и существовало только благодаря ее красоте. Но подобное интенсивное существование за пределами повседневности может длиться лишь мгновение. Как расплату за свой музыкальный полет Берг получает десять лет лагерей, затем еще один арест и годы тяжелого труда за Полярным кругом. Говоря о романе “Музыка одной жизни”, Макин поясняет, что стремился выделить из массы жертв советской системы индивидуальные лица, стать их голосом, оживить фантомы, чтобы они не канули в историю как безымянные и схематичные homo soveticus».

Человек в романе Макина, вопреки обстоятельствам, наделен божественной силой, и не укладывается в рамки обезличенного определения homo soveticus.

Фото Георгий Пинхасов

Михаил Рудь (Mikhaïl Rudy)- выдающийся пианист с успешной международной карьерой. На Западе его называют самым французским из всех русских музыкантов. Рудь окончил Московскую консерваторию, класс Якова Флиера. В 1975 г. выиграл в Париже один из наиболее значительных мировых пианистических конкурсов, Concours Long /Thibaud. В 1977 во время гастролей в Париже отказался от возвращения в СССР. Дебют Михаила Рудя во Франции состоялся в ходе концерта в честь 90-летия Марка Шагала, в котором он исполнил Тройной концерт Людвига ван Бетховена вместе с Исааком Стерном и Мстиславом Ростроповичем.

Рудь – один из немногих уникальных музыкантов, которые также успешно работают в области синтеза искусств. В последнее десятилетие в дополнение к традиционной концертной деятельности он создал более десяти экспериментальных проектов. Среди них - знаменитый «Кандинский/Мусоргский»: видеоадаптация Рудя по спектаклю, поставленному Василием Кандинским в 1928 году в Дессау на музыку Модеста Мусоргского «Картинки с выставки». Другой проект, придуманный Рудем: анимационный фильм по «Метаморфозам» Кафки, сценарий которого он написал для культовых американских режиссеров братьев Куэй (Quay Brothers). Фильм идет в сопровождении музыки Леоша Яначека.

«Музыка одной жизни» - не первый опыт Рудя по переложению для сцены романа о пианисте. До этого он совместно с другим знаменитым французским театральным

актером, Робером Ренуччи, сделал спектакль по автобиографическому роману Владислава Шпильмана «Пианист».

Дени Лаван - один из самых уникальных актеров французского театра (среди его знаменитых ролей можно назвать сторожа в спектакле Бернара Собеля «Игра в жмурики», князя Мышкина в спектакле Одеона «Идиот, последняя ночь», Тимона Афинского в одноименной трагедии Шекспира) и культовый актер фильмов Леоса Каракса, от «Любовников Нового моста» до Holly Motors (в русском прокате «Корпорация «Святые моторы»). Как написал о нем обозреватель московских «Ведомостей», «Дени Лаван, самое яркое мужское лицо французского кино последних тридцати лет, великий артист с внешностью клошара».

В спектакле «Музыка одной жизни», который длится около двух часов, Дени Лаван не просто читает текст романа, он делает его видимым, вибрирует в унисон с музыкальными партитурами Рахманинова, Скрябина, Шостаковича, которые исполняет на рояле Михаил Рудь. Присутствие настоящего пианиста на сцене вступает во внутреннюю игру с трагической судьбой самого Алексея Берга, музыканта, лишенного возможности играть. Музыкальная тема, заключенная в тексте Макина, продолжается, усиливается, расширяется в музыкальных отрывках гениальных композиторов.

Так становится зримой та самая музыка души, музыка жизни, которая и составляет своеобразие романа Макина.

Фото Ек.Богопольская

Спектакль «Музыка одной жизни» можно будет увидеть 22 мая в Париже в Collège des Bernardins.